УДК 342.4

СУБЪЕКТЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

П. В. Соловьёв

кандидат юридических наук, декан юридического факультета, учреждение образования «Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой»

Статья посвящена вопросу пересмотра субъектного состава конституционно-правовых отношений в контексте цифровой трансформации, в т.ч. предлагается введение такой категории как «электронное юридическое лицо», которое предполагает переход юридического лица из физической оболочки в электронную; и также обсуждается вопрос формирования категории «цифровой государственный орган». Вместе с этим рассматривается вопрос возможных изменений в перечне прав и обязанностей участников правовых отношений в условиях цифровизации.

Ключевые слова: субъекты права; правосубъектность; цифровизация; искусственный интеллект; электронное лицо; электронное юридическое лицо.

Сегодня цифровизация является одной из главным тем правовых исследований, что вполне обосновано. Цифровая трансформация изменяет привычные общественные отношения (цифровизация экономики, цифровизация отношений в сфере оборота персональных данных, цифровизация СМИ, цифровизация правового просвещения и др.) и является катализатором появления совершенно новых, ранее не существовавших типов связей между членами общества (использование систем искусственного интеллекта, взаимодействие в социальных сетях и метавселенных и др.). В этой связи можно говорить и об изменении субъектного состава общественных отношений в условиях цифровизации, что, разумеется, ставит вопрос о возможной трансформации представлений о субъектах правовых отношений.

Как представляется, преждевременно ожидать глобальных изменений в блоке физических лиц, например, нет оснований говорить о формировании концепта цифровой личности или скором наделении правоспособностью человекоподобных роботов с необходимостью в нормативных правовых актах вводить градацию антропомоРоссийской Федерациияный или неантропомоРоссийской Федерациияный робот и т.д. Однако, в настоящее время в юридической доктрине активно ведется разработка категории «электронное лицо» [1, 2], под которой понимается юридическая конструкция, предполагающая предоставление определенной провосубъектности системам искусственного интеллекта.

В свою очередь, Европейским парламентом 16 июля 2017 г. принята резолюция «Гражданско–правовые нормы о робототехнике», в которой также предлагается в будущем роботов высокой степени автономности признавать электронными лицами. Этот особый правовой статус в том числе предполагает возможность такого автономного робота нести ответственность за причиненный им ущерб в тех случаях, когда он принимал решения автономно (п. 59).

В целом, следует констатировать что в юридической доктрине и нормативно–правовой плоскости отдельных государств и межгосударственных образований отсутствует единая позиция относительно правового статуса систем искусственного интеллекта, в том числе и в оболочке роботов высокой степени автономности. Однако, на наш взгляд, в силу распространения систем искусственного интеллекта в различных сферах общества уже присутствует необходимость разработки института квазиюридической ответственности в отношении систем искусственного интеллекта. Например, здесь может идти речь о выработке правил ограничения, временного блокирования, удаления систем искусственного интеллекта при наличии угроз правопорядку.

В тоже время уже можно говорить о формировании такой правовой категории как «электронное юридическое лицо», которая созвучна категории «электронное лицо», однако предполагает лишь некоторое цифровое изменение такого типичного субъекта как «юридическое лицо».

Категория электронного юридического лица на современном этапе развития общества может предполагать собой переход юридического лица из физической оболочки в электронную. Например, место нахождения юридического лица из физического адреса (населенный пункт, улица, дом, помещение и т.п.) может быть заменено на электронные реквизиты – доменное имя, e–mail, никнейм в социальных сетях и др. Такие реквизиты могли бы считаться надлежащим каналом взаимодействия с этим юридическим лицом при обеспечении интересов работников, контрагентов, государства при осуществлении контрольно–надзорных функций.

Например, ряд видов экономической деятельности не предполагают наличие производственных помещений или офисов. Электронное юридическое лицо как наниматель в трудовых отношениях гармонично встраивается в систему правового регулирования труда работников, выполняющих дистанционную работу, т.е. когда работник выполняет работу вне места нахождения нанимателя с использованием для выполнения этой работы и осуществления взаимодействия с нанимателем информационно–коммуникационных технологий.

Политические партии и общественные объединения соответственно могут трансформировать в цифровые политические партии и цифровые общественные объединения. Так, можно говорить, что цифровая политическая партия – это общественное объедение людей в цифровом пространстве, которые преследуют политические цели, в том числе посредством участия в выборах, при этом выявление и выражение политической воли граждан осуществляется различными цифровыми инструментами (например, принятия решения съезда партии голосованием на интернет–платформе).

Цифровизация субъектов правовых отношений касается также государственных органов и учреждений. Речь может идти об расширении электронного представительства государственных органов и учреждений в цифровой среде. Государственный орган может быть частично из физической оболочки (почтовый адрес, номера стационарных телефонов, график личного приема) перенесен в цифровую среду (доменное имя, e–mail, аккаунты в социальных сетях, в т.ч. для индивидуальных обращений). Это предполагает экономию средств на содержание государственного органа (учреждения) и должно способствовать прозрачности деятельности, минимизации коррупционных проявлений.

В свою очередь, в рамках цифровой трансформации государственных органов и учреждений речь может идти о создании цифровых должностных лиц для осуществления определенных функций государства посредством систем искусственного интеллекта. Например, рассмотрение обращений граждан, осуществление административных процедур, привлечение к административной ответственности. В определённой степени это не потребует пересмотра парадигмы о субъектах права, так как можно вести речь не о признании искусственного интеллекта субъектом права, а только лишь о признании его инструментом осуществления государственных функций. Правоотношения также будут возникать между государством и гражданами (или юридическими лицами).

Трансформация общественных отношений в условиях цифровизации также предполагает отражение этих изменений в законодательных перечнях прав и обязанностей участников правовых отношений. В силу разнообразного влияния цифровых технологий на общественные отношения возникает необходимость как изменения существующих прав и обязанностей, так и закрепления новых. В настоящее время в юридической наук активно ведется дискуссия о формировании цифровых прав человека. В. Д. Зорькин говорит о том, что цифровые права человека – это конкретизация универсальных прав человека в условиях цифровой трансформации (гражданских, политических, экономически и др.) [3], в

свою очередь, М. С. Абламейко допускает признание цифровых прав в качестве самостоятельной группы прав [4, с. 22], в которую могут быть включены: право на доступ к информации и доступ к информационно–коммуникационным средствам и технологиям; право на доступ в интернет; право на защиту частной жизни и персональных данных; имущественные права в цифровом имущественном обороте; приоритет сохранения и развития человека в контексте создания искусственного интеллекта и др.

Однако уже сейчас можно говорить о необходимости включения в отдельные нормативные правовые акты прав и обязанностей, обусловленных цифровизацией общественных отношений. В частности, применительно к такому элементу цифровизации как искусственный интеллект, можно говорить о формировании следующего общего списка новых прав и обязанностей субъектов правовых отношений, подлежащих отражению, например, в трудовом и банковском законодательстве:

– право физического лица знать о том, что он взаимодействует с системой искусственного интеллекта при реализации своих прав и обязанностей (например, при прохождении собеседования при приеме на работу или при прохождении аттестации у нанимателя, при обращении в банки и небанковские кредитно–финансовых организации, при рассмотрении обращения и др.);

– право физического лица на рассмотрение обращения или дела человеком, а не системой искусственного интеллекта при реализации своих прав и обязанностей (например, при принятии решения об отказе в приеме на работу, определении работника, подлежащего сокращению; при принятии банком или небанковской кредитно–финансовой организацией решения об отказе в предоставлении услуги и др.);

– обязанность физического лица владеть навыками безопасного использования цифровых технологий в целях защиты интересов других лиц; и др.

Изменение подходов к формированию перечня прав и обязанностей субъектов правоотношений в условиях цифровизации обусловлен тем, что здесь возникает новая группа отношений, подлежащих правовому регулированию. Так, право физического лица знать о том, что он взаимодействует с системой искусственного интеллекта и право физического лица на рассмотрение его вопроса человеком, а не системой искусственного интеллекта направлено на преодоление риска небезопасности искусственного интеллекта и возможной дегуманизации права.

Таким образом, цифровизация обуславливает переход к принципиально новому стилю правотворческого мышления призванного

сохранить ценность права в условиях цифровой революции, но при этом устранить «правовой вакуум» в вопросах цифровизации общественных отношений. Это возможно, в первую очередь, через трансформацию положений о субъектах правовых отношений, их правах и обязанностях. Однако внедрение цифровых элементов в право требует одновременной выработки гарантий обеспечения прав, свобод и законных интересов граждан и юридических лиц в условиях «цифрового обновления» субъектного состава правовых отношений.

Список использованных источников

1. Павлов, В. И. Правосубъектность роботов как электронных лиц и возможные модели их юридической ответственности / В. И. Павлов // Право.by. – 2023. – № 6 (86). – С. 74–84.

2. Морхат, П. М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо / П. М. Морхат // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2018. – № 2. – С. 61–73.

3. Зорькин, В. Задача государства – признавать и защищать цифровые права граждан [Электронный ресурс] / В. Зорькин // Российская газета. – 2018. – № 115. – Режим доступа: https://rg.ru/2018/05/29/zorkin–zadacha–gosudarstva–priznavat–i–zashchishchat–cifrovye–prava–grazhdan.html. – Дата доступа: 05.07.2023.

4. Абламейко, М. С. Цифровые права человека и перспективы их введения в законодательство / М. С. Абламейко, Н. В. Шакель // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2022. – № 2. – С. 19–26.